ской славяно-греко-латинской и Украинской.[23] Преемник Моисея Петровича Викентий Йованович продолжает это же направление (1733), выписывая учителей прямо из Киевской академии. В их числе более других известен Эммануил (Михаил) Казачинский, продолжавший свою литературную деятельность в Сербии.[24] Таким образом, украинско-русская школа в Сербии была результатом уже ранее ставших оживленными сношений Руси и Украины с Сербией, причем ясен характер этих сношений: течение идет с востока в Сербию, а не наоборот (как было раньше — в XIV—XV вв.).[25] Таковы, надо полагать, были условия появления украинско-русских духовных стихов (кантов) в сербской письменности. Если эти соображения правильны, можно на основании их сделать и дальнейший вывод — о времени появления этих стихов.

Развитие литературных приемов, форм славяно-сербского языка в среде сербской народности — явление сравнительно позднее: труды Раича, Венцловича указывают на первые десятилетия XVIII в. Продолжателями их являются люди второй половины этого века (например, В. Ракич). Русско-украинские духовные стихи разбираемого типа распространяются путем тетрадок и рукописей в сербской грамотной среде. Сохранившиеся тексты их указывают на то же время; собранные мной тексты далее XVIII в. в древность не идут, скорее же должны относиться к концу этого века или началу следующего. За ними непосредственно идут печатные издания (какова «Катавасия», издания переложений Ракича), а к ним хронологически примыкают те записи, которые получал П. А. Бессонов от сербских священников.

Таким образом, в общем дело, по-видимому, следует представлять себе так: в сербской письменности духовные стихи разбираемого типа, не народные по происхождению, а книжные, стоят в стороне от действительно народных и по форме, и по содержанию (каковы, например, собранные Вуком Караджичем во 2-м томе). Появились эти книжные стихи в сербской письменности только в XVIII в., распространялись путем переписки в более или менее консервативной среде, где и сохранялись даже тогда, когда литература сербская в трудах Венцловича, Обрадовича и Вука Караджича выходила на путь народности в языке и содержании. Так, по-видимому, эти стихи и остались преимущественно в этой среде, слабо переходя в народное сознание, как далекие от него по характеру и по форме.

---

[23] М. Суворов — воспитанник Славяно-греко-латинской академии.

[24] Он сочинил школьную драму под заглавием «Трагедиа, сиречь печальная повесть о смерти последнего царя сербского Уроша питого и о падении сербского царства», изданную в 1798 г. в Будиме с дополнениями И. Раича. Это редкое издание перепечатано А. И. Соболевским (Чтения в Обществе Нестора летописца, кн. 15, вып. 2. Киев, 1901, отд. III, стр. 56—87; вып. 3, отд. III, стр. 89—122). В 1958 г. посмертно напечатана статья: С. Ц. Маслов. Мануїл (Михаїл) Козачинський і його «Трагедия о смерти последнего царя Сербского Уроша V-го и о падении сербского царства». — Радянське літературознавство. Київ, 1958, № 4, стр. 46—52.

[25] О школе у сербов см специальную статью: П. А. Кулаковский. Начало русской школы у сербов в XVIII в. Очерки из истории русского влияния на югославянские литературы. — ИОРЯС. СПб., 1903, кн. 2, стр. 246—311; кн. 3, стр. 190—297. Общие исторические условия освещены в исследованиях: Н. А. Попов. Россия и Сербия. М., 1869; П. А. Заболотский. Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. 1. Русская струя в литературе сербского Возрождения. Варшава, 1908.